

АННА
АНАТОЛИЙ

МАЛЬШЕВА КОВАЛЕВ

Месть
нежнее любви,
любовь холоднее
смерти.

АВАНТЮРИСТКА
Посланница Судьбы

Авантюристка

Анатолий Ковалев

Посланица судьбы

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ковалев А.

Посланница судьбы / А. Ковалев — «АСТ»,
2015 — (Авантюристка)

Действие четвертой книги разворачивается в 1830 году. Виконтесса да Гранси, в которой бывшие недруги, утраченные друзья с изумлением узнают исчезнувшую семнадцать лет назад графиню Елену Мещерскую, приезжает в Москву, чтобы отомстить ограбившему ее родственнику и найти свою бесследно исчезнувшую дочь. Но случается то, чего никто не мог предугадать, – в Москве начинается эпидемия холеры...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ковалев А., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Малышева, Анатолий Ковалев

Авантюристка. Посланница судьбы

© Малышева А. В., Ковалев А. Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава первая

Скромные семейные радости ростовщика Летуновского. – Благие намерения бывшего пристава Калошина. – Волк в овечьей шкуре возвращается в Москву

Казимир Летуновский, если не самый старый, то самый удачливый и дерзкий московский ростовщик, из года в год приумножал свое благосостояние. Его деятельность приобретала с каждым днем все более благообразные и почетные формы. Ушла пора, когда он трясся над сундуком, в котором прятал самолично принятые заклады, когда сам с каменным лицом выслушивал душераздирающие (и порой правдивые) истории несчастных людей, бросавшихся к нему за помощью от безысходности. Теперь он сделался владельцем нескольких ломбардов, открыл ювелирный магазин на Тверской улице и вскоре перешел в разряд купцов первой гильдии. Если в его ломбардах и лились слезы, Летуновский этого не видел. Если в его адрес посылались проклятия, он не слышал этого. Его руки – страшные жилистые руки с кривыми пальцами, привыкшими загребать деньги и толкать сирот на паперть, девушек – на панель, стариков – в могилу, побелели и тоже смотрели вполне добродушно, хотя пальцы иногда шевелились, словно хватая нечто невидимое.

Несмотря на свой преклонный возраст, поляк был еще крепок, здоров и даже обзавелся молодой женой, хотя раньше слыл убежденным и непримиримым холостяком. «Окрутила! – со стыдливым изумлением признавался ростовщик. – Пленила, околдовала старого дурня!» Москва дивилась. Кто бы мог подумать, что такой негиббемый человек, как Летуновский, способен влюбиться на старости лет! Однако дружно признавали, что пани Теофилия Заведомская, дочь бедного, разоренного шляхтича, и вправду необыкновенно хороша и могла бы пленить красотой и благородством манер самого безнадежного мизантропа. Высокая, тонкая, как плоть, с младенчески ясным розовым лицом и синими глазами того глубокого темного оттенка, который бывает только у лучших сапфиров (как восхищенно отмечал ростовщик), она очаровывала все взгляды. Ее рыжевато-русые волосы не были особенно роскошны, но полячка умела их весьма затейливо причесывать. Бедняжка носила старые, десятки раз перешитые платья, над которыми портила свои прекрасные глаза полночи, чтобы утром появиться в новом туалете, но и они не могли умалить ее прелести и достоинства осанки. Старый ростовщик был для девушки находкой, спасением одновременно от нищеты и от бесчестия ее частого спутника. Шептались, что отец уже не прочь был однажды ее продать самым скверным образом какому-то купцу, когда попал в очередную долговую яму, но тогда дело как-то обошлось.

Теперь пан Тадеуш Заведомский называл себя не иначе как «отцом, пожертвовавшим ради дочернего счастья всем, всем, даже шляхетской своей гордостью!» Жертва совершилась следующим образом. Благородный шляхтич, ведущий свой род аж от Барбары Радзивилл, как-то раз попал в неприятное положение и не в состоянии был выкупить в ломбарде у кровопийцы-ростовщика отданные под залог золотые часы покойной супруги, которые намеревался отнюдь не хранить у сердца, а заложить вновь, чтобы вырученные деньги потратить на свои нужды. Срок закладной истекал, выдать вторую закладную Летуновский, принимавший дворянина из уважения к его фамилии лично в своем кабинете, не соглашался. Доведенный до крайности пан Тадеуш принял молниеносное и остроумное решение, в самой прямой и доходчивой форме предложив ростовщику родную дочь. Собственно, нежный отец и не думал в тот момент о свадьбе... Знакомство состоялось. Теофилия была так чиста, прекрасна,

так при этом бедна и беззащитна, в ее глазах сияло полное неведение того, что ее ожидало... Летуновский внезапно сделался рыцарем и женихом.

Часики были преподнесены невесте в подарок. К ним в придачу шли серьги с черными бриллиантами, стоившие целого состояния. Влюбленный Летуновский, слившийся первостатейным скрягой, проявлял чудеса щедрости. Теофилия сияла невинностью. Пан Тадеуш красовался в новом фраке и презрительно кривил рот, принимая поздравления. Свадьба, самая пышная, какую только можно было устроить за деньги, состоялась в августе двадцать седьмого года. Бал гремел и кружил головы, на нем была «вся купеческая Москва» – гости жениха, и местная шляхта – гости невесты, почти все с перекошенными от зависти лицами. Впрочем, некоторые пришли только ради роскошного ужина, дававшегося после бала «для своих».

Сплетничали нещадно. Невесте едва исполнилось двадцать лет, а жениху стукнуло шестьдесят два, и это одно само по себе удивляло. Впрочем, улыбка, сиявшая на лице счастливой новобрачной, не покинула его и после свадьбы. Она никогда не сходила с милого личика Теофилии, и молодая супруга ростовщика производила впечатление самое безмятежное. С мужем своим пани Летуновская общалась легко и непринужденно, словно не все-речь. Она за минуту успевала надавать ему различных прозвищ, потормозить, будто куклу, забраться к нему на колени и, спрыгнув, куда-то умчаться, оставив после себя аромат парижских духов.

Ростовщик, в глубине души ожидавший, что его в лучшем случае будут просто терпеть, млел от подобного обращения. Не удивительно, что пани Теофилия ни в чем не знала отказа. Оставшись такой же безмятежно наивной, как до супружества, она совсем не интересовалась делами мужа. Каким путем добываются деньги, «пани ростовщица» знала не больше, чем когда жила под крылышком нежного отца. Пан Тадеуш куда-то уходил и возвращался, приносил или не приносил деньги – о сложном механизме векселей и закладных, об этой адской машине, размалывающей в прах человеческие жизни, девушка не имела никакого представления. Теперь она не знала нужды ни в чем и с восторгом ребенка тратилась на дорогие наряды, которые прежде могла лишь рассматривать в витринах Кузнецкого моста, держать роскошный белый с позолотой экипаж, запряженный четверкой белоснежных, без единого пятнышка, лошадей, ложу в Большом театре... Но больше всего денег шло на тысячу различных мелочей, которые счастливая новобрачная желала иметь в тот же миг, как видела, и получала в тот же миг, как этого пожелала. Подругам она хвалилась в своей обычной, воркующе-легкомысленной манере: «Мой Казимирчик трудится целый день и никогда, никогда мне ни в чем не отказывает!» Подруги, в основном также происходившие из разорившихся польских родов, не скрывали зависти, которой, как они думали, «дурочка Тео» не замечает, и язвили на ее счет чуть не ей в лицо. Все они были бесприданницы, некоторые куда красивее Теофилии, и никаких надежд на будущее у них не предвиделось. Во многих семьях девушки питались одной картошкой, перелицовывали по ночам старые платья, плакали из-за обрывка кружев, который бесполезно было чинить дальше, так как он расползался под иглой. Их красота увядала, лица становились желтее, гордыня – все ядовитее. Кто из них мог сохранить в сердце приязнь к любимице судьбы, «дурочке Тео», ломавшей на их глазах ради забавы баснословно дорогой перламутровый веер, которым она дразнила собачонку?

Впрочем, кое-кто считал ее не дурочкой, а лицемеркой, гениально разыгрывавшей небесное создание. Удивляла та восторженная легкость, с которой Теофилия относилась к своему браку с «отвратительным старикашкой». Недоумевали, как можно пасть так низко, чтобы делить брачные восторги с подобным типом? В конце концов, девушки, излив всю накопившуюся желчь и проявив несколько подозрительную осведомленность, дружно сходились на том, что Летуновский давно уже не мужчина, а только жалкая видимость оного, оттого Теофилия и весела. Очевидно, молодая ростовщица ждет не дожидется подходящего кавалера, чтобы наставить своему Казимирчику рога. «Или уже успела!» – шипел кто-то.

Так ли обстояло дело, доподлинно никому не было известно. Между тем идиллия продолжалась, расцветая новыми красками. Казимирчик, ничего не жалевший для своего кумира, свил уютное гнездышко в прекрасном особняке на Малой Никитской улице, обставленном изысканно, на парижский манер, к чему лучшие московские декораторы приложили все таланты, а сама пани Летуновская вложила в него душу. Летуновский участвовал в процессе лишь деньгами, ибо таланты ростовщиков всем слишком известны, а наличие у них души многими вовсе отрицается. К тому же Казимир Аристархович, безвыездно проведший две трети жизни в Москве, окончательно обрусел, никаким европейцем более себя не считал, вкусы имел купеческие, самые простые и с трудом уже мог изъясняться на родном языке. Московское купечество, вообще не любившее чужаков, приняло Летуновского в свои ряды снисходительно, как неизбежный фатум. «Ну какой же он чужак, помилуйте? – не без ехидства ухмылялись некоторые. – Уж сорок лет как на Москве самолучшим кровопивцем сидит! Чутье имеет адово! За рубль из бедного человека всю душу высосет, червь могильный... А богатому миллион нужен?! Из полы в полу, как девку, передаст в тот же час. И откуда возьмет, чертяка?! Из воздуха выщелкнет, что ли?! Наш он, родной! Скотина этакая, пропасть ему без покаяния... Мы давно им детишек страшаем!»

Казимир, утверждаясь на своем месте, ругательств словно не замечал. Он оказывал услуги, вызывал тайны, втирался в доверие, старался стать незаменимым... Словом, заигрывал с купечеством, как мог, а мог он многое. Про него даже стали говорить: «А с этим мерзавцем, пожалуй, можно иметь дело!», что являлось высшей похвалой в устах тех, для кого дело было целью жизни, а деньги – ее кровью.

Но если ростовщика бородастая часть купеческого сообщества лишь терпела как неприятную необходимость, то его супругу купчихи неожиданно полюбили так же, как возненавидели ее соплеменники. Теофилию везде звали в гости, сажали на почетное место, хотя она и была другой веры, что практически уничтожало ее шансы на возвышение в этом кругу. Она понравилась за простоту, за детскую наивность и милые глупости, которые так и сыпались с ее розовых губ при виде ребенка, собачонки или красивого цветка в горшке. «Такая простая, ну, такая... – с восхищением говорили после ее отъезда. – Из дворян ведь! Говорят, чуть не королевских кровей! Правда, не наших, а ихних, кто их там разберет, может, они все там короли...» «Да это по ней видать, что королевна, – как вошла, как встала, как села... На иконы перекрестилась, видали?! Правда, по-ихнему, ну да пусть, другие-то нынешние дамочки и не вздумали бы. Дурковата она как будто немножко... Ну да и это ничего, зато добра!»

На этих купеческих вечерах Теофилия с удовольствием играла на фортепианах, и великолепно играла – покойница мать успела своими слабыми силами преподать ей начатки образования. По-французски говорила, как француженка, шалила, как дитя, а нашалившись, садилась в угол к старушкам и внимала их рассказам о московской старине. Рассказы были увлекательные и страшные: как на Москве казнили фальшивомонетчиков, как неверных жен в термах замуровывали, как неделями играли свадьбы, какие лютые были зимы и многоводные вёсны... Слушала она тоже как ребенок – подавшись вперед, уронив руки на колени, чуть приоткрыв рот. Старушки сперва побаивались шляхтенки-ростовщицы, потом привыкли и стали с нею ласковы, как с правнучкой.

* * *

Однажды вечером, когда Теофилия сидела в своей маленькой гостиной за роялем и разбирала ноты модного вальса, Казимир Аристархович по обыкновению просматривал «Московские ведомости». После женитьбы он особенно пристально изучал раздел «Смесь», выискивая заметки о долгожителях. Им владела навязчивая идея – прожить со своей ненаглядной голубкой-женой необыкновенно долго, до Мафусаиловых лет, и он был рад, когда читал о подоб-

ных случаях. На этот раз заметка его прямо-таки взбудоражила. Помимо прочих московских старожилов, там рассказывалось, в частности, об одной вольноотпущенной старушке Поликсене Гавриловне, которой на днях исполнилось сто двадцать лет. «Это что же получается? – быстро прикинул в уме Летуновский. – Она родилась в одна тысяча семьсот десятом году! При Петре Первом, при Августе Втором Сильном!» Мысль эта настолько поразила ростовщика, что он с азартом продолжил свои научные изыскания: «А мне сто двадцать лет исполнится в восемьдесят пятом году! Неужто не доживу?! При такой ангельской женушке, при моих деньгах... Как пить дать, доживу!» «Научное открытие» было немедленно доведено до сведения супруги. Никогда не унывающая Теофилия на этот раз скривилась, будто отведала яблока дичка. «Фи, Казимирчик, – поморщилась она, – мне тогда будет чуть не восемьдесят лет. Подумать жутко!» Она по-детски расстроилась, хлопнула крышкой рояля и удалилась, всем своим видом выказывая недовольство. Казимир же Аристархович, оставшись наедине со своим открытием, не мог уснуть всю ночь, ворочаясь с боку на бок. «Мысли, что твои клопы! – философично восклицал ростовщик, теребя остатки жиденьких волос. – И не видать их глазом, а спать не дают, черти окайные! Есть ведь какой-то секрет, отчего старуха так долго скрипит и не помирает... Сто двадцать лет! Даром такое не дается!» Наутро он отправился в редакцию «Московских ведомостей», чтобы узнать адрес долгожительницы.

...Поликсену Гавриловну он отыскал в какой-то трущобе, где ютились семейные рабочие одного из московских фабрикантов. Долгожительница занимала угол в маленькой темной комнатке своей внучатой племянницы, которая обитала тут же с мужем-ткачом и двумя детьми-подростками. Дети в школу не ходили, а уже работали на фабрике вместе с отцом, мотая шпульки. Семья эта по местным меркам считалась вполне достаточной – тут на пятёрках едоков приходилось трое добытчиков. И хотя щелистый дощатый пол был чисто выметен, что показывало старание хозяйки навести порядок, в комнате стоял смрад. Покрутив носом, Летуновский тут же обнаружил его источник – прямо за узеньким окошком высилась громадная куча мусора, куда сливались всем бараком и помой.

Для визита Летуновский надел старый, протертый в нескольких местах сюртучишко, откопанный им на дне сундука, и старомодные брюки с пузырями на коленях. Отрекомендовавшись мелким служащим, он вручил старушке горшочек с засыхающей фиалкой, которую нерадивая горничная все время забывала поливать. «Не тратиться же на этот сброд!» – рассуждал Казимир.

– Вот-с, решил навестить вас, прочитав в газете о вашем удивительном почтенном возрасте, – начал он, расплываясь в благодостной улыбке, – и справиться о вашем здоровье...

Поликсена Гавриловна передвигалась по комнате медленно, черепашьими шагами, с помощью палки, тихо пошаркивая громадными валенками, которые, по-видимому, не снимала ни зимой, ни летом. Горб, выросший за спиной, согнул старушку пополам, оттого она с трудом задирала голову, чтобы получше разглядеть собеседника.

Но глаза долгожительницы казались живыми, а взгляд – пристальным и насмешливым. «Вот ведь такие старушечки сотнями ползают по Москве, – думал про себя Летуновский, – эка невидаль! Антик! Однако не всякая бабка в «Смесь» удостоится попасть. Самого царя Петра Первого живьем видала!»

– Здоровье, батюшка, у молодых, а у стариков одна хворь, – начала Поликсена Гавриловна, и Казимир отметил про себя, что у нее довольно еще звонкий, вовсе не скрипучий голос, хотя и вырывается время от времени какой-то неприятный хрип из одряхлевшей гортани. Для Летуновского, мечтавшего дожить до ста двадцати лет, любая деталь в облике этой старушечки имела огромное значение.

– Ну, а зрение как, в порядке? – заботливо расспрашивал ростовщик. – Газеты, по крайней мере, читать еще можете?

– На зрение пока не жалуюсь, батюшка, и не глуха вроде бы вовсе... А про газеты пошутит небось? Ведь грамоте-то я не обучена! – Поликсена Гавриловна рассмеялась низким басом и погрозила гостью пальцем. – Шутишь над старухой-то?

– Да я ничего не шутил... я, не подумавши, – сконфузился Казимир Аристархович, попутно отмечая, что во рту старухи обретаются еще с десяток гнилых зубов, похожих на пеньки в обгоревшем лесу.

Теперь предстояло выведать главную тайну, ради которой он и нанес этот странный визит. Как назло, внучатая племянница «антика», бросив стирку в корыте, от которого шел едкий щелочной пар, и распрямив усталую спину, устала на него неподвижный взгляд выпуклых блекло-голубых глаз и смотрела, не отрываясь, словно опасалась чего-то.

– Я о чем спросить-то вас хотел, – решился наконец Летуновский, – как вам удалось, дорогая Поликсена Гавриловна, так надолго задержаться в нашем паскудном мире? В чем секрет вашего долгоденствия?

– Ко мне многие за этим самым ходят, – захихикала старушка и внезапно кокетливо, юно махнула рукой, будто Летуновский сказал какую-то фривольность, – да вот только советы я всем даю простые, немудреные: не грешите перво-наперво, зла никому не чините, в церковь ходите, Богу молитесь...

– Да неужто все?! – допытывался ростовщик. – Так-то многие живут, только не по сто двадцать годов... А супруг ваш в каком же возрасте изволил скончаться?

– Господи, помилуй мя от всякого греха! – внезапно перекрестилась старуха. – Да ведь я отродясь с вашим мужеским полом никаких дел не имела. Я – девица!

Разочарованию Казимира Аристарховича не было предела. По дороге домой он честил себя последними словами за неуместно взыгравшую скупость: «Вот болван эдакий! Дурень стоеросовый! Захотел от старушечки получить рецепт долголетия... Так ведьма тебе его и выдаст! За горшок с фиалкой-то. Ага. Держи карман шире! Сунуть бы ей сразу пару ассигнаций, и разговор бы другой был. «Многие ходят...» Вот, кто поумнее, и узнал секрет, а тебе – зась! От ворот поворот... Девица она...»

Дома его ждало новое, еще более сокрушительное разочарование. Тестя, пан Тадеуш Заведомский, посмел вновь явиться к нему с просьбой о деньгах. «И это после того, как я сотню раз выкупал у купцов все его векселя! – молча негодовал Летуновский, слушая излияния тестя, то слащавые, то невыносимо высокомерные. – Никакой благодарности! Это прорва, а не человек!» В нем росла жажда мщения. Старуха-«антик», посмеявшаяся над ним, и помыслить не могла, какого демона она разбудила.

Зять Летуновский был на пятнадцать лет старше своего тестя и поэтому обычно не стеснялся в выражениях, отчитывая важного седовласого и седоусого пана, как школьника. Его не останавливало даже присутствие дочери, если той случалось быть при очередной сцене вымогательства. Впрочем, Теофилия редко желала видеть отца, а если виделась с ним, бросала в его сторону весьма загадочные, долгие взгляды. Если бы пан Тадеуш умел читать в глазах дочери, то прочел бы в них презрение. Но он относился к Теофилии вполне равнодушно.

– Ну что ж... Спасай меня, любезный Казимир Аристархович! Погибаю ведь! Если денег не дашь, уже и не в яму посадят, а черт его знает, что выйдет... – Изможденное, почерневшее от пьянства лицо пана Тадеуша отражало попеременно то плохо сыгранную шутливость, то неподдельный ужас. – Скандальчик ведь вышел...

«Скандальчик», послуживший причиной визита, заключался в том, что пан Тадеуш проигрался в карты на слово. На этот раз он имел несчастье сразиться за зеленым сукном не со своими собратями-земляками, которые во время игры отчаянно божились, дергали себя за усы, считались царственными предками, а после все же соглашались немного подождать. Он нарвался на шулера, бессердечного, холодного, опытного, вдобавок великосветского льва,

и оттого бессердечного вдвойне. Тот публично посмеялся над паном Тадеушем и потребовал немедленной уплаты. «Или я вам, ясновельможный пан, отрежу нос!»

– Сам себя губишь, а я спасай? – раздраженно ответил, наконец, зять, выслушав все мольбы и клятвы. – Что, сколько?

Услышав же сумму, взвился, как фейерверк, пущенный по случаю коронации:

– Хватит с меня, не желаю больше платить! И молчи, не желаю слушать! Сколько можно таскаться сюда?! Я не дойная корова...

– Спаси! – подавленно повторил Заведомский.

– Однажды я уже пытался тебя спасти, предлагал доходное местечко в одном из ломбардов. Ничего, нынче и дворяне не гнушаются за прилавком стоять! Читал я в «Московских ведомостях» про одного французского маркиза – тот сам дамам в магазине шелка отмеряет! А ты чем его знатнее? Чем?! И что ты мне тогда ответил, помнишь?

Пан Тадеуш опустил голову. Тогда он был настолько оскорблен, что осыпал Казимира самыми страшными ругательствами, смешивая с грязью, и, если бы, не дай бог, под рукой оказалась сабля, разрубил бы мерзкого ростовщика пополам.

– Гордыня мешает тебе заниматься делом, – продолжал Летуновский, – но преспокойно позволяет жить на мои деньги! Позволяет шлаться по кабакам, валяться по девкам, которыми и солдат бы побрезговал! Позволяет играть в карты, ручаясь моим именем, и жрать водку со всяким отребьем! Проваливай вон, сказано! Ни копейки больше не дам! Пшел!

Пан Тадеуш дрожал всем телом, сжимая и разжимая огромные кулачищи. Он едва сдерживался, чтобы не сорвать со стены канделябр и не раскроить череп ненавистного «паука, таракана, клопа»... От ярости и страха перед завтрашним днем у него кружилась голова. Словно помешанный, ничего не ответив, он бросился в покои дочери.

Теофилия в это время читала сентиментальный французский роман, полулежа на кушетке. При виде отца она вскочила на ноги, отбросив в сторону книгу. Наверное, такая же реакция была бы у нее, если бы в комнату вползла гадюка.

– Доченька, спаси! – бросился он перед ней на колени. – Не допусти, чтобы отца родного осрамили на весь свет! Род Заведомских весь будет унижен вместе со мной! Я не перенесу такого позора! Уговори ты своего паука дать мне денег в последний раз, в самый последний...

– Что вы называете позором? – вспыхнула пани Летуновская. – И не поздно ли вы беспокоитесь о чести нашего рода? Вы продали собственную дочь пауку, как сами говорите, на меня все прежние знакомые косятся, гадости за моей спиной шепчут, в лицо усмеваются... Это для рода Заведомских не позор?

– Но ведь они просто завидуют, как тебе хорошо с ним живется, – опешил пан Тадеуш. – Признаться, ведь славно я тебя устроил, доченька? А если что не так, если он, песья кровь, место свое забыл, не помнит, что ты его облагодетельствовала, пожаловав свою королевскую ручку, ты только скажи мне, уж я череп его плешистый, как тухлое яйцо, разобью!..

– Подите прочь, папенька! – вне себя от негодования закричала Теофилия. Кровь бросилась ей в лицо. – Видеть вас больше не могу! Вы мне омерзительны! И не ходите к нам! Не попрошайничайте! Слышите? Не позорьте меня! Не позорьтесь сами!..

– Отца родного прогоняешь? – Пан Тадеуш тяжело дышал, выкатив воспаленные от бессонных ночей глаза. – Отказываешь мне в пустяке, в то время как муж осыпал тебя золотом и бриллиантами? Если бы твоя мать была сейчас жива... – начал он в чувствительном тоне, пытаясь смягчить голос, но пани Летуновская не дала ему договорить, взорвавшись:

– Она сейчас мертва, потому что вы ее свели в могилу своими кутежами, картами и бесконечными изменами! Вы нас сделали нищими! Вы пытались меня продать, когда больше продать было нечего! Со второго раза у вас это вышло! Меня прозвали, с вашей легкой руки, «дурочкой Тео», но я все вижу и все знаю! Ненавижу вас! Будьте прокляты!

Пана Заведомского пошатнуло. Лицо его на какой-то миг стало багровым, а потом бледным и безжизненным. Казалось, отец сейчас свалится замертво к ногам дочери. Но он развернулся и медленно, тяжело, будто конечности его окаменели, доковылял до двери.

– Прокляв меня, дочка, ты себя прокляла, – тихо произнес он на прощание, так что Теофилия едва расслышала его слова.

* * *

На следующее утро труп пана Заведомского выловили в Яузе. Своей смертью, как и жизнью, он доставил немало хлопот и расходов зятю. Летуновский долго уговаривал аббата, настоятеля храма Святого Людовика Французского, похоронить тестя по-христиански. Он обещал пожертвовать на храм немалую сумму денег, но неприступный иезуит не поддавался на уговоры. Он напоминал ростовщiku, что самоубийцам, несмотря на их происхождение, отказывают в отпевании и хоронят за кладбищенской оградой. Ростовщiku пришлось найти двух свидетелей, которые за приличную мзду дали показания в Управе, что своими глазами видели, как пана Тадеуша пьяные мужики с ругательствами сбросили с моста в реку. Как раз в те дни, когда страшная эпидемия холеры приближалась к Москве, в городе заговорили о поляках, которые будто бы и распространили заразу. Слухи эти грозили вылиться в массовые расправы. Поэтому частный пристав Кондрашкин поверил липовым свидетелям Казимира и завел уголовное дело, а непреклонный иезуит получил из Управы бумагу, подтверждавшую, что пан Заведомский был преступно сброшен с моста, а не утопился по собственной прихоти.

Во время отпевания в храме Святого Людовика Французского на Малой Лубянке Теофилия Летуновская, одетая в роскошный траур, не обронила ни единой слезинки по усопшему. «Хотя бы для приличия, душенька», – шепотом уговаривал ее супруг. «Не хочу и не буду!» – дерзко и довольно громко отвечала она. Сам же Летуновский то и дело прикладывал платок к сухим глазам и шмыгал носом, разыгрывая спектакль на тему родственных чувств. Впрочем, зрителей в этот дождливый сентябрьский день в церкви собралось немного. У ростовщиков, как правило, друзей не водится, а собутыльники Тадеуша вряд ли знали о его внезапной кончине. Так что, кроме четы Летуновских, было всего человек десять родственников и подруг Теофилии.

Где-то в середине службы в церковь вошел мужчина лет сорока в плаще-накидке. В руке он держал цилиндр модного светло-серого цвета, но, по всей видимости, служивший уже не первый год. Синий фрак и клетчатая жилетка прекрасно сидели на его стройной фигуре, однако тоже выглядели поношенными. Незнакомец производил впечатление франта, стесненного в средствах. Его смуглое волевое лицо можно было бы назвать красивым, если бы не жесткое, наглое выражение черных глаз. Именно из-за этого облик мужчины более отталкивал, нежели привлекал. Так как в церкви собралось немного людей, появление смуглого незнакомца заметили все. «Кто это?» – шепотом поинтересовалась Теофилия у супруга. «Понятия не имею, – пожал плечами Летуновский, – наверное, кто-нибудь из дружков твоего папаши». В этот миг он встретился взглядом с незнакомцем, и тот поприветствовал его едва заметным наклоном головы. Ростовщик не ответил на приветствие, принял надменный вид, которому позавидовал бы сам покойный пан Тадеуш, и отвел глаза в сторону. «Где-то я уже видел этого хлыща, – беспокойно думал Казимир Аристархович, – только был он, кажется, моложе. Определенно я его знаю! Вероятно, заклад у меня оставлял... Вот нахал – кивает как приятелю!»

Когда хор нестройно грянул *Dies irae*¹, пани Летуновская не выдержала и всплакнула.

– Поплачь, поплачь, душечка, утешься, – ласково говорил ей супруг. «Ну хоть слезу из себя выжала, и то дело! – думал он. – А то еще растрезвонят, что это мы с Теофилией отпра-

¹ «День гнева» – (лат.) католический гимн.

вили Заведомского к праотцам!» Ростовщик больше не смотрел в сторону незнакомца и после, на кладбище, не видел его. Но стоило Летуновскому выйти за кладбищенскую ограду, держа под руку уставшую супругу, заботливо укрывая ее широким зонтом от дождя, и направиться к карете, как человек в плаще-накидке вновь возник перед ним. Модный цилиндр на голове незнакомца насквозь промок, и по его впалым, тщательно выбритым щекам змеились струйки воды.

– Пан Летуновский, вы не помните меня? – без тени стеснения обратился назойливый преследователь к ростовщику.

– Лицо ваше мне как будто знакомо... – пробормотал Казимир, но тотчас переменял тон, заговорив резко и высокомерно: – Впрочем, вы выбрали неподходящий момент для того, чтобы возобновить знакомство!

– Вы должны меня помнить, пан Летуновский! – настаивал мужчина в цилиндре, идя следом за супружеской четой в трауре. – Я прежде служил у князя Белозерского и зимой двенадцатого года посещал ваш дом в Замоскворечье. Князь тогда сделался богатым наследником после гибели своей сестры...

Казимир Аристархович, усадив в карету супругу, уселся и сам, храня непроницаемое выражение лица.

– Не помню такого, – бросил он незнакомцу и, приказав кучеру трогать, захлопнул дверцу.

Возница со всего маху стегнул лошадей, и они бодро ударили копытами по лужам, окатив незадачливого франта с ног до головы.

– Не помнишь, значит, – сквозь зубы процедил Илларион Калошин (а это был он), медленно вытирая платком испачканное лицо, – ничего, скоро память-то к тебе вернется...

...А между тем осень и зиму двенадцатого года Летуновский помнил во всех мельчайших подробностях. Сундуки с серебром и золотом, драгоценности, семейные реликвии, которые знатные, богатые москвичи оставили ему на хранение, он прятал в подвале маленькой избушки на окраине города, чудом уцелевшей от пожара. Охраняла ростовщика лишь древняя старуха Аскольдовна, сама похожая на реликвию. При французах он жил под страхом ограбления. Когда вернулись русские войска и комендантом города назначили Бенкендорфа, стало того хуже – Летуновский каждый день ждал ареста. Началось расследование, и многие были уличены в пособничестве врагу, в первую очередь, конечно, поляки. Как раз в этот злосчастный момент слуга князя Белозерского и выследил старуху Аскольдовну, обнаружив пристанище ростовщика.

«Да как я мог забыть эту разбойничью физиономию?! – с недоумением спрашивал себя Летуновский. – Но, кажется, потом, когда я сделался казначеем капитала Ильи Романовича, этот тип ни разу не попадался мне на глаза. Небось, уволили или спровадили в какое-нибудь поместье управляющим. Белозерский унаследовал тогда несколько поместий от своих родственников, кстати! А вот нынче дела его не так хороши, – не без злорадства думал Летуновский. – Наверное, этот черт остался без места и желает получить от меня протекцию в какой-нибудь богатый дом. Или... – Он усмехнулся собственной мысли, – ко мне в слуги набивается...»

* * *

Казимир Аристархович не так уж далеко ушел от истины. Безоблачная жизнь частного пристава Калошина закончилась в тот самый день, когда в управу, где он служил, пришло письмо от некоего барона Лаузаннера, сообщавшее о служебных преступлениях полицмейстера. И самым занозистым в этом списке был пункт о том, что под могущественным покровительством пристава в Гавани Санкт-Петербурга процветал подпольный публичный

дом Зинаиды Толмачевой, населенный пансионерками – малолетними сиротками-проститутками, услугами которых Калошин и сам милостиво пользовался. Узнав об этом разоблачении, Илларион, не дожидаясь расправы, вынужден был пуститься в бег.

Ему пришлось туго. Много, много воды утекло с тех пор, как он вольготно гулял по лесам, грабил и убивал на больших дорогах, ничего не боялся и ни о чем не жалел. Избаловавшись в столице, он обленился, изнежился, привык к уюту и размеренной жизни... Вернуться в одночасье в те времена, когда его звали Кистенем, Илларион не мог и не хотел. Денег, отнятых у Зинаиды, ему не достало надолго. Впереди уже маячил самый лютый голод, да выручил случай.

...На Тверской дороге встретил он некоего мещанина, ехавшего из Твери в Нижний Новгород со своим работником. Телега их была до краев наполнена пушным товаром, который назначался на ярмарку. Илларион к тому времени уже шел пешком, так как в карманах у него гулял ветер. Он только провожал завистливым взглядом проносящиеся мимо кареты, дорожные кибитки и телеги, злобно сплевывая поднятую ими пыль, оседавшую на его губах вместе с проклятиями. И надо же было такому случиться, что телега мещанина, пушного торговца Осипа Лесака, поравнявшись с Илларионом, вдруг покривилась набок и грузно осела, чуть не вывалив товар. Мещанин и работник, прыгнув на землю и увидев треснувшее пополам колесо, принялись сыпать ругательствами и в отчаянии хвататься за борта телеги, словно это могло помочь делу.

– Эка невидаль, – вдруг подал из-за их спин голос Калошин, осторожно подошедший сзади. – В дороге чего не случается! Есть зачем стонать...

– Может, ты, мил человек, нам подскажешь, как дело поправить? Нешто веревкой связать его? – обернувшись к нему, спросил мещанин, указывая на колесо, развалившееся почти надвое. Ни в голосе, ни во взгляде его не сквозило никакой насмешки. Лесак смотрел на мир открытыми, детскими глазами, хоть было ему никак не меньше сорока пяти лет. Калошин, услышав наивное предложение насчет веревки, сразу понял, с кем имеет дело.

– Нет, хозяин, оно таперича нам уж не сгодится, вона как расселось... Вязать тут нечего! – заключил более смекалистый работник, он же возница, почесывая затылок. На вид Григорию было лет тридцать, но казалось, что житейского опыта у него больше, чем у хозяина. Широкоплечий, кражистый мужик, он смотрелся вроде няньки при большом дитяти.

– Что же нам делать?! – в отчаянии всплеснул руками Осип и с бесконечной надеждой посмотрел на Иллариона.

– Что делать? – рассмеялся Калошин. – Илье-пророку молиться! Авось выкатит с неба колесо со своей повозки, коли уж вы в дороге не запаслись.

– Эх я дурень, дурень! – ударил себя в лоб огорченный Григорий. – Ведь собирался было на дно телеги колесо положить... На авось понадеялся, ведь сколько ездим – Бог миловал... Ан возьми беда и случись!

– Ну а денег-то на новое колесо наскребете? – спросил Илларион, окидывая незадачливых путешественников покровительственным взглядом.

– Да уж сыщем, голубчик! – обрадовался мещанин. – Только ты, мил человек, подскажи, где его взять? Кругом – ни избушки, куда податься?

– Ну уж и кругом... – повел плечом Илларион. – В двух верстах отсюда деревня. Там колесо купите, мужики продадут. Правда, сдерут втридорога... Это у них так водится, у сиволапов!

И он сплюнул с видом глубочайшего презрения. Мужиков Илларион считал низшими существами, сделанными совсем из другого теста, чем он сам.

– Вот что, Григорий, – сразу приободрился Лесак, – ступай за колесом, а я уж тут поспею... Видишь, какого хорошего человека нам Бог на пути послал!

– Не, я вас с *этим хорошим человеком* не оставлю, – шепнул ему на ухо возница, кивнув на Иллариона, – уж больно прыток и на разбойника дюже смахивает али на цыгана... Глаза чернющие, он ими зырк-зырк... А товару много, и цена ему большая!

– Долго вы там шептаться будете? – Илларион, сделав над собой усилие, даже улыбнулся, стараясь как можно больше походить на «хорошего человека». – Я укажу дорогу в деревню, а то без меня, пожалуй, еще и сами в какую-нибудь яму свалитесь... Да и сторгую колесо за свою цену, за настоящую. Ну, кто со мной?..

Вместе с Григорием он отправился на поиски колеса и сам вел все переговоры с местными мужиками, в конце концов, очень выгодно с ними сторговавшись в пользу мещанина. На все про все ушло полдня.

Перед тем как тронуться в дальнейший путь, Осип с Григорием решили отобедать, пригласив к своей скромной трапезе своего спасителя Иллариона. Он представился им бывшим дворовым человеком, отпущенным барином на свободу.

– Вот, жил, служил, и ничего не нажил, и не выслужил... – жаловался Калошин, и поскольку это было чистой правдой, в его голосе звучали очень убедительные слезы. Уточнить, как он жил и служил, бывший разбойник и пристав, разумеется, не стал. – Иду себе потихоньку, куда глаза глядят...

– А ты иди с нами, в Нижний, – сердечно предложил Лесак. – Места в телеге хватит, и нам будет веселье...

Так бывший частный пристав, удирающий от правосудия, обзавелся наконец попутчиками. Мещанина он расположил к себе сразу и бесконечно, а вот Григорий по-прежнему смотрел с недоверием и редко вступал с ним в разговор.

Здесь необходимо отметить, что Илларион на сей раз не вынашивал ровно никаких злодейских замыслов. Он хотел спокойно добраться до Нижнего, не стирая ног в кровь, не ночуя на земле, имея каждый день кусок хлеба, и был очень благодарен судьбе, пославшей ему такую удачу. Бывший разбойник, в отличие от своих новых товарищей, впервые пустившихся в путь, хорошо знал Тверскую дорогу и оказывал им неоценимую помощь. На третий день пути съестные припасы путников иссякли, и еду стали покупать в деревнях у крестьян. «Так будет гораздо дешевле, чем питаться на постоялых дворах, – наставлял Калошин, – и желудок не пострадает от тухлой трактирной селедки». Он сам торговался с мужиками, покупая продукты за сущие пустяки, сам выбирал в лесу удобное место для постоя, разводил костер, готовил пищу. Мещанин смотрел на попутчика с восторгом, как на ангела-хранителя. И даже Григорий немного смягчился.

Если у Иллариона и был какой-то замысел, расходящийся с законом и моралью, то всего один и вполне невинный. Он хотел с помощью своих попутчиков беспрепятственно миновать нижегородскую заставу и даже придумал, как это сделать. А именно, он собирался с доброго согласия Лесака спрятаться на дне телеги под товаром мещанина. Отговорку для простодушного нового приятеля он придумал бы на ходу. Однако судьба распорядилась по-своему, а лукавый дух зла, чье смрадное дыхание он всегда ощущал у себя на затылке, придумал для него новое испытание.

* * *

Однажды вечером они остановились на ночлег, выбрав живописное место на берегу Волги, в небольшом сосновом бору. В дороге припозднились, закат уже догорал. Через все небо тянулись длинные кровавые полосы облаков, подсвеченные исчезнувшим за дальними лесами солнцем. Река, также подернутая багровыми отсветами, медленно засыпала, едва заметно струясь вдоль песчаных обрывов, поросших хвойниками. Илларион споро развел костер и принялся коптить на сосновых иглах огромную севрюгу, купленную днем у рыбаков. У них же он

раздобыл полкаравая ржаного хлеба, пучок зеленого лука, связку редиса и бутылку медовухи. Ужин удался на славу, Лесак и Григорий в один голос хвалили Иллариона за его хозяйственные таланты. Неожиданно мещанин сказал:

– Наверное, счастлива будет та девушка, что полюбит тебя.

– Так ведь у меня ни кола, ни двора, – усмехнулся Калошин. – Какое тут может быть счастье? Да и не встречались на моем пути подходящие девушки.

– Неужто никогда никого не любил? – усомнился Осип.

Илларион и сам вдруг поразился правдивости этой мысли. «А ведь и правда, я никогда никого не любил. И уж вряд ли теперь полюблю! Не судьба... Век буду мыкаться, как бродячий пес...» Он с горечью вспоминал о своей жизни, о злодеяниях, которые совершил, и мучительно каялся в содеянном. Нечто подобное Илларион почувствовал много лет назад, когда на его пути повстречался отставной штабс-капитан Савельев. Тогда он впервые посмотрел на себя отстраненным, новым взглядом и ужаснулся. И нынче опять его тревожила неожиданно пробудившаяся совесть. «Оттого, что и Савельев, с его-то умом и прозорливостью, и мещанин этот глупый, слепой и наивный, оба они во мне человека увидели, не пса... – философствовал Илларион, все больше проникаясь к себе жалостью. В его груди росло какое-то теплое чувство, щемящее и незнакомое, от которого хотелось плакать. – А душа моя исстрадалась, измаялась без людского участия... Долго ли мне так жить – кусок урвал, и в кусты, жуй его там в одиночку, чтобы кто не отнял?! Люди, вон, словно бы и по-другому живут... Чисто, красиво, зла друг другу не желают!»

Тем временем Осип Лесак, разгоряченный медовухой, продолжал рассуждать о любви, не забывая при этом закусывать севрюжкой с редисом и зеленым лучком.

– Вот посмотри, к примеру, на меня... Да. Женился я не по любви, я и не знал, что за любовь такая, только песни про нее слышал. А вот как батюшка приказал, взял в жены дочку нашего соседа по лавке Авдотью. Живем мы с ней, стало быть, в мире и согласии вот уже пятнадцать лет и горя не мыкаем. Не то что в других семьях! Как поглядишь, так промеж супругов, которые прежде миловались-любили, и ссоры, и ругань, и даже драки случаются. А мы с Авдотьей тихо, неслышно живем, и хозяйство в порядке, и четверых детишек нарожали, один другого краше. И пятого нонче ждем. А я вот, поди ж ты, не поверишь, порой вопросом задаюсь... Любовь, то есть вот та самая, о которой песни складывают, была хоть миг промеж нас или вовсе не было ее? Или это она и есть, любовь-то? Никаких слов таких любовных я ей не говорю... Подарки дарю, не обижаю, в доме она полная госпожа! И она мне про любовь ничего ни разу не сказала... Обидно как бы маленечко... Как ты мыслишь, Илларион, любовь промеж нас с нею или так, морок один? Ты человек опытный, бывалый...

– Да что вы, хозяин, ей-богу! – в сердцах перебил его Григорий, недовольный уже тем, что Лесак откровенничает с чужаком. Работник уже ревновал своего хозяина, чувствуя, что влияние Иллариона на него все возрастает. – Все кругом только и делают, что на вас с Авдотьей Михайловной любят, другим в пример ставят...

– Помолчи ты! – прикрикнул на него Лесак. – Не тебя сейчас спрашиваю!

Подумав немного, Калошин ответил:

– Опытный-то я опытный, да мне-то откуда знать, какая бывает на свете любовь, коль не любил я никого и никогда? – И, усмехнувшись, добавил: – Оно, конечно, лучше тихо и неприметно, чем с руганью и дракой...

– Вот и я про то же! – вставил возница.

– Заткнись! – с явным раздражением, которого раньше Илларион у него не замечал, крикнул своему работнику Лесак и снова принялся за рыбу. Он был сильно взволнован и оттого глотал большими кусками, забывая пережевывать.

«Ну точно, как дитя малое! – глядя на него, воскликнул про себя Калошин. – Из-за пустяка в расстройство впал. Чего ему надо?! Жена хозяйственная, детей нарожали, деньжата водятся, от людей уважение... Любовь ему подай!»

– Не сойти мне с этого места, хозяин, – робко вставил возница, не обращая внимания на грубый приказ мещанина, – если это самое и есть не любовь... Счастье вам во всем – чего же больше?

Осип Лесак вдруг поперхнулся. Поначалу ни Калошин, ни Григорий не придали этому значения.

– Костью, что ли, подавился? – спросил Илларион.

– Вы горбушки пожуйте, – предложил возница.

И только когда мещанин, привстав на коленях, закашлялся, а потом стал задыхаться и багровое лицо его стало приобретать синеватый оттенок, оба бросились к нему. Но при этом ни тот ни другой не знали, что им делать. Григорий хлопал Осипа по спине, а Калошин совал ему пальцы в рот, но все было тщетно. Тело мещанина несколько раз содрогнулось и затихло. Некоторое время батрак и бывший разбойник пребывали в оцепенении, не в силах поверить в случившееся.

– Да неужто помер?! – Илларион приложился ухом к груди Лесака.

Григорий упал ничком на землю и разрыдался. Все произошло настолько внезапно и нелепо, что даже бывший разбойник, выдавший смерть много раз, был потрясен таким оборотом дела. «Вот жил человек, торговал в лавке, рожал детей, – рассуждал Илларион, – еще несколько минут назад мучился вопросом, любит его жена или нет? И ничего ему больше не нужно и не интересно...»

Ночь выдалась на удивление тихая и теплая. На небе переливались звезды, большие и яркие, как поддельные бриллианты. Илларион вышел из сосняка на берег реки, вдохнул полной грудью пряный волжский воздух и услышал ехидный голосок, словно кто-то заговорил у него внутри: «Ну и куда ты теперь подашься? Схватят тебя, дурака, на первой же заставе, если не раздобудешь новых документов. Ду-умай... А товара-то сколько у мещанина в телеге... – зацокал язычком противный невидимый советчик. – Не будь простофилей! Не упускай fortuna, коль она сама дается в руки!»

Когда Калошин вернулся на поляну к догорающему костру, Григорий по-прежнему лежал ничком на земле рядом с бездыханным телом Лесака. Илларион опустился на колени, перекрестился троекратно, прошептал слова молитвы, а потом осторожно коснулся плеча Григория.

– Ну, будет тебе убиваться, – произнес он низким, охрипшим голосом, словно надорвал его криком. – Мертвого слезами не воскресишь. Расскажи-ка лучше, что мыслишь делать дальше...

Батрак оторвался наконец от земли, присел, вытер рукавом рубахи грязное, заплаканное лицо и, продолжая всхлипывать, вымолвил:

– Чего делать? Ясно чего. Ехать с хозяином домой...

– Это куда? В Тверь? – выкатил от удивления глаза Илларион. – Да ты, видать, умом от горя повредился! Повезешь покойника столько суток по жаре? И во что он у тебя, в конце концов, превратится?

– Чего же мне делать тогда? – в отчаянии схватился за голову Григорий.

– А вот чего... послушай умного совета, – доверительно начал Калошин. – Осипа мы доведем с тобой до ближайшей церкви, отпоем и похороним. Все честь по чести. Потом поедem в Нижний, как намечено было, продадим весь товар, а денежки пополам разделим. А дальше уж сам кумекай: быть тебе батраком или вольным человеком, как я... Воля, брат, она слаще меда, если еще и деньги есть!

Услышав такие речи, Григорий сразу изменился в лице, глаза его засверкали ненавистью.

– Ты, разбойник, чего мне предлагаешь?! – закричал он. – Обворовать несчастную вдову с ребятишками? Да как язык у тебя повернулся...

– А вот, поди ж ты, взял и повернулся, – перебил Илларион, и рот его скривила неприятная усмешка. – Потому, брат, что каждый человек имеет свой удел и предел. И коль суждено было твоему Лесаку самым нелепым образом окочуриться в этом лесу, значит, то был знак свыше. Нам, непутевым, был подан знак оттуда, – он указал пальцем на звездное небо, – дабы мы, не сходя с этого места, смогли изменить свой ничтожный удел.

Высокопарная проповедь Иллариона возымела обратный эффект. Батрак опрометью бросился к телеге и извлек из груды мешков с пушным товаром охотничье ружье, о наличии которого Калошин даже не подозревал.

– Сейчас ты у меня узнаешь, каков твой удел и предел, – сквозь зубы процедил Григорий, наведя ружье на Иллариона. – Узнаешь...

Костер давно догорел. Небо над лесом начало бледнеть, но до рассвета было еще далеко. Бывший разбойник поднялся с колен, отряхнул от земли обе штанины.

– Эх, рабская ты душонка! – презрительно бросил он батраку и плюнул в сторону.

– Хотя и рабская, да не разбойничья, – не без гордости ответил Григорий. – Никому не позволю хозяина моего обкрадывать! Мертвого или живого – мне все едино... А ты давай проваливай подобру, поздорову, а то, неровен час, возьму грех на душу!

– Боишься, значит, грешить? – вновь криво усмехнулся Калошин. – Хочешь перед Богом чистеньким предстать? Как после баньки? Не выйдет, все одним дегтем мазаны, и я не грешней тебя и не грязней...

Произнося все это, Илларион с вкрадчивой осторожностью кошки приближался к батраку.

– Ты мне зубы не заговаривай! – разгадав его маневр, бросил Григорий. – Еще один шаг – и я буду стрелять!

Однако честный работник не учел, с кем имеет дело. Для бывшего разбойника не составило труда в одном прыжке достать до ружья и, ухватив его за ствол, отвести в сторону. Прогремивший выстрел напугал только лесных птиц, взметнувшихся в небо. В следующее мгновение Григорий почувствовал страшную боль в сердце. Он даже не смог закричать, только жадно ловил ртом воздух, словно пытался таким образом удержать стремительно утекавшую из тела жизнь. Он едва услышал, как разбойник прохрипел ему в самое ухо: «Прости, брат! Хотел, чтобы по-честному промеж нас все было, да не вышло дело!» Он еще жил несколько мгновений. Слышал, как Илларион бережно уложил его на землю рядом с хозяином. С трудом открыв глаза, увидел над собой громадные сверкающие звезды уже другого неба и с загадочной улыбкой отошел в мир иной.

Калошин всегда держал нож в сапоге на всякий случай. Когда он отряхивал от земли штанины, вставая после молитвы с колен, нож незаметно перекидывал в рукав куртки.

Чтобы закопать два трупа, могилу пришлось рыть не малую. Солнце уже стояло высоко, и слышно было, как далеко на дороге скрипела чья-то телега, когда Илларион сбросил мешанина с работником в глубь ямы и засыпал комьями земли.

До Нижнего Новгорода Калошин доехал беспрепятственно. По документам он теперь числился тверским мещанином Осипом Лесаком. Пушной товар был продан на ярмарке быстро, всего за день, потому что сговорчивый тверяк не ломил цену, не особо торговался и старался много среди купцов и мещан не мелькать по вполне понятной причине – он боялся встретить знакомых покойного Лесака. Расторговавшись вчистую, Илларион снял комнату в доме богатой вдовы, содержательницы пансиона. Вскоре он близко сошелся с ней и зажил припеваючи, не заботясь более о хлебе насущном. Вдова, правда, была уже не молода, на десять лет его старше и к тому же дурна собой. Высокая, плечистая, как гренадер, рябая и неулыбчивая, с прилизанными редкими сухими волосами, на которых торчал старомодный чепец,

она и мыслить не могла, что сможет пленить черноглазого рокового красавца жильца. В «приезжего мещанина Лесака» она влюбилась, как кошка, и доставляла ему немало хлопот своей испепеляющей страстью. Впрочем, Илларион терпел все до поры, пока в город не пришла холера. Тогда бывший разбойник бежал в Москву, оставив вдове уничижительного содержания записку, в которой сообщалось, что он возвращается в Тверь, к жене и детям.

«Уж в Москве-то царь не допустит холеры!» – наивно полагал он. Впрочем, так многие думали. Почти месяц пришлось просидеть в карантине, перечитывая старые журналы и мучаясь от безделья. Наконец, оказавшись в Москве с достаточной суммой денег, чтобы нанять комнату и не где-нибудь на окраине, а у Яузских ворот, неподалеку от особняка князя Белозерского, Калошин первым делом купил «Московские ведомости». Из небольшой заметки он узнал о смерти Тадеуша Заведомского, тестя известного купца Казимира Летуновского, и о том, что отпевание пройдет завтра в храме Святого Людовика Французского.

– Да неужто это Казимирка стал таким богатым и известным всей Москве купцом?! – воодушевляясь, воскликнул Илларион. – Вот так дела!

Всю ночь он глаз не сомкнул, строил разные планы относительно своего будущего. Ему хотелось вернуться на службу к князю Белозерскому. Не долго он прослужил у него, всего-то полгода, но эти дни были самыми счастливыми в его жизни. Ведь он имел власть над всей княжеской дворней, и платил Белозерский ему щедрой рукой. Вот Казимирка, бывший казначей князя, и попросит Илью Романовича взять его обратно на службу. Ростовщик всегда чуял в нем разбойника и дрожал, как заяц, при виде Иллариона. «Уж этого выжигу я сумею схватить за горло!» – потирал ладони Калошин в предвкушении новой встречи с Летуновским.

Однако он просчитался, выбрав неподходящее время и место для возобновления знакомства с ростовщиком, и оказался в прямом и переносном смысле в луже.

Когда на третий день после похорон тестя Казимиру Аристарховичу доложили о визите некоего господина Лесака по очень срочному делу, ему и в голову не пришло, что это бывший слуга князя Белозерского. И он его принял.

– Ах, это снова вы! – нахмурился ростовщик при виде Иллариона. – Хотите опять напомнить мне про двенадцатый год! Послушайте, давайте напрямик – что вам от меня надо?

– Помилуйте, пан Летуновский, – заискивающе произнес Калошин, – я имею к вам всего лишь одну маленькую просьбишку...

– Если желаете поступить ко мне на службу, то у меня свободных вакансий нет! – с ходу заявил поляк. – Разве что... – Он на миг задумался, не может ли ему пригодиться в одном из ломбардов такой нахал, но тотчас отмахнулся от этой идеи, решив, что тот непременно будет воровать. – Впрочем, нет, ничего нет! Ступайте себе.

– Совсе я не к вам прошусь на службу, дорогой пан Летуновский, – продолжал заискивать Илларион. – Мне хотелось бы вернуться к прежнему своему благодетелю, князю Белозерскому.

– К Белозерскому? – удивился Казимир. – А при чем здесь я?

– Я смиренно прошу, чтобы вы меня ему рекомендовали.

– С какой стати? Я вас совсем не знаю. – Летуновский взял из коробки сигару и закурил, пуская дым визитеру в лицо.

– Да всего-то пять слов, – отмахиваясь от дыма, торговался Калошин. – Скажете только: «Такой-то служил у моего приятеля в Петербурге», и будет...

– А что будет? – усмехнулся ростовщик.

– То есть? – не понял Илларион.

– Ну, скажу я пять слов Белозерскому, а мне какая с того выгода?

– Вам какая выгода?! Да ведь если я стану у князя служить, он будет у вас весь как на ладони, – Калошин сунул поляку под нос свою огромную и не совсем чистую ладонь.

– Он и так у меня весь как на ладони, – сообщил Казимир, не забыв пустить в лицо визитеру новую струю дыма. – На ладони и в кармане.

«Настолько возвысился чертяка, что совсем уже ничего и никого не боится!» – в отчаянии констатировал про себя Илларион. Тем временем Летуновский о чем-то сосредоточенно думал.

– Ладно, будь по-вашему, – неожиданно заявил он. – Оставьте адрес, я извещу вас о результатах своего визита к князю.

– Вы согласны меня рекомендовать? – не верил своим ушам Калошин.

– Я не повторяю дважды... господин... Как вас там? Лесничий, кажется?

– Лесак!

Илларион был награжден новой порцией дыма, что ничуть не омрачило радужного настроения, в котором он вышел от ростовщика.

Глава вторая

«Цербер» князя Белозерского. – Как стать миллионщиком. – Гора изумрудная и гора книжная. – Вымерший дом заселяется вновь

Если бы князя Белозерского, разменявшего шестой десяток лет, спросили: «В какой период своей жизни вы чувствовали себя по-настоящему счастливым?», Илья Романович непременно бы ответил, что не было в его жизни большего счастья, чем проводить время с покойной женой Натальей Харитоновной в Тихих Заводах, маленьком тверском поместье, унаследованном им от троюродной тетки. Жили они тогда скромно, считая каждую копейку, экономя на всем, отказывая себе в самых простых удовольствиях, но было в той жизни что-то уютно-трогательное, до слез наивное, почти пасторальное. Другими словами: была в той жизни любовь.

Князю иногда снились Тихие Заводы прежней поры. Вечерние чаепития с Натальей Харитоновной под раскидистой липой, шумная возня детей, шутки-прибаутки карлицы Евлампии... После этих снов он просыпался с мокрым от слез лицом и долго не мог подняться с постели, размышляя о превратностях судьбы. Он снова и снова ругал покойную супругу за измену, сгубившую их тихое семейное счастье, при этом нисколько не раскаиваясь в своем страшном преступлении. «Сломала мне жизнь! Измучила, истерзала душу! – с пафосом восклицал Илья Романович. – А как бы хорошо нам было сейчас вместе! Уж как бы мы зажили!»

В Тихие Заводы он не ездил лет пятнадцать, там все напоминало о Наталье Харитоновне. Князь Белозерский предпочитал теперь проводить лето в подмосковной усадьбе, доставшейся ему в наследство от Мещерских. Он не на шутку увлекся охотой, особенно любил потравить волка. Завел огромную псарню на зависть соседям. Соседей своих князь недолюбливал, в гости никого не звал и на приглашения местных помещиков отвечал презрительным молчанием. «Не нуждаюсь я в их дружбе... – фыркал он, сминая и швыряя в угол очередное приглашение. – Невелика честь... Навяжутся, потом не отвязутся!»

Он сделал попытку завязать только одно знакомство. Генерал-губернатор московский иногда проводил лето в их краях. Илья Романович как-то прислал градоначальнику записку, составленную в самом почтительном и любезном тоне, с нижайшей просьбой составить ему компанию в охоте на зайца. К письму прилагалась пара легавых щенков. Однако князь Дмитрий Владимирович Голицын, несмотря на то, что давно славился добрым нравом и общительностью, нашел благовидный предлог, чтобы отказаться, при этом горячо поблагодарив и за приглашение, и за щенков.

– Гордый! – ворчал в тот вечер Белозерский, деля ужин из зайца, приготовленного на вертеле, со своей экономкой Изольдой Тихоновной. – Не желает мараться об какого-то там Белозерского! Куда нам, он ведь водит дружбу с самим государем!

О коротких приятельских отношениях московского губернатора с императором Николаем, действительно уже слагались легенды. Голицын был запросто вхож в царевы апартаменты. Мало того, Николай Павлович подолгу не отпускал от себя приятеля, когда тот наезжал в Петербург, и всякий раз находил повод задержать дорогого гостя.

На самом деле причина отказа поохотиться на зайца крылась вовсе не в тщеславии князя Голицына. Дело в том, что губернатор московский имел ранимую душу и не терпел убийства животных. В его имении Рождествено был устроен зверинец под названием «Ноев ковчег», в котором обитал не только домашний скот, но и дикие животные. Однако Илья Романович подозревал совсем иной подтекст в такой неблагосклонности к нему градоначальника.

– Уж я-то знаю, каковы эти господа, когда дорываются до власти! – разглагольствовал он за ужином. – Им только дай примерить генеральский мундир, да еще повесь на шею Анну, да не одну, а все четыре, увидишь, в какое мерзкое отродье они тотчас обратятся! Перед ними надобно лакействовать, так-то, матушка! Им надобно годить, а не то перемелют тебя вместе с мукой, запекут в кулебяку да и слопают за милую душу, запивая наливками и побрякивая от удовольствия. Нет уж, увольте! Кулебякой быть не желаю! – И, переведя дух, начал совсем другим, сладко сентиментальным тоном: – Вот в былые времена губернаторами становились люди достойные, много о себе не мнившие. К ним можно было запросто явиться на обед и выпить запанибрата... И никакой тебе гордыни... По-братски, по-дружески принимали...

После подобных спорных сентенций Илья Романович обычно впадал в идиллические воспоминания о графе Ростопчине, в дом которого некогда был запросто вхож. Изольда Тихоновна, знавшая эти басни наизусть, пресекла начавшийся было панегирик по усопшему губернатору холодным, деловым тоном:

– А вот бы вам не поленился, да и самому нанести визит князю Голицыну. По-соседски, так сказать, по-приятельски. С вас, поди-ка, не убудет!

При этом она ловко поддела вилкой заячью почку и отправила ее себе в рот, слегка зажмурившись от наслаждения.

– Человек он, – прожевав и проглотив лакомый кусочек, продолжала она, – говорят, миролюбивый, даже хлебосольный. Того и глядишь, ко двору вас приблизит...

– Приблизит... как же... – проворчал в ответ Илья Романович. – Не те нынче люди, драгоценная моя, чтобы за просто так протекции раздавать. Да и времена изменились к худшему...

– А когда они к лучшему-то менялись? – скептически заметила Изольда Тихоновна и, потянувшись за печенкой зайца (она была большой любительницей потрохов), нравоучительно изрекла: – Надо уметь принаравливаться к любым временам. А вы – сразу обижаться на полезного человека...

* * *

История с Голицыным на этом не закончилась. Буквально на следующий день после описанного разговора за ужином губернатор московский прислал князю приглашение посетить его имение Рождествено. Разумеется, это был акт чистой любезности, за которым никакой склонности близко дружить прозревать не стоило. Но Илья Романович воодушевился.

Тут необходимо заметить, что начальник Москвы был сыном одной из самых знатных и богатых российских помещиц, княгини Натальи Петровны Голицыной, имевшей шестнадцать тысяч крепостных крестьян. Сыну же она выделила скромное Рождествено и всего сто душ, а также пятьдесят тысяч рублей ассигнациями в год. Сумма небольшая, если учесть, что деньги из казны Дмитрий Владимирович получал только на приемы и угощения. В первые годы своего правления он наделал немало долгов, так что даже император Николай Павлович вынужден был просить Наталью Петровну, чтобы она повысила сыну ренту. Княгиня «взмилосердилась» и прибавила еще пятьдесят тысяч. Но и этого было недостаточно, потому что Дмитрий Владимирович, вопреки обычаям власть имущих, не брал взяток, а, напротив, часто тратил собственные средства на нужды горожан.

Мягкий характер Голицына вполне соответствовал его внешности. Он имел приятное открытое лицо с правильными чертами и высоким лбом. Глаза его всегда смотрели внимательно и как будто немного печально. В линиях рта было нечто женственное. Губернатор был мал ростом, сухощав и имел крохотный, почти детский, размер ноги, что давало повод для многих насмешек и анекдотов. Руки у него тоже были несоразмерно малы, пухлы и выходили. Голицын был отчаянно близорук, но очков не носил, лишь изредка пользовался лорнетом. Когда он гостил у матери в Петербурге, та всегда наказывала дворецкому: «А пуще всего

смотри, чтобы Митенька не упал, сходя с лестницы». Это знали и над этим смеялись. Однако все насмешки и анекдоты смолкали перед добротой, великодушием, скромностью и деловыми качествами, коими в избытке был наделен Дмитрий Владимирович. Особенно расположил москвичей к губернатору вопиющий к небу случай со стариком-камердинером. Дело в том, что градоначальник, отправляясь в театр или на бал, отпускал всех слуг, кроме швейцара и камердинера. Возвращаясь домой, он звонил, по этому звонку являлся камердинер и помогал князю раздеваться и ложиться спать. Но однажды, приехав поздно с бала, Дмитрий Владимирович довольно долго простоял на крыльце, сорвав звонок. Тогда он пошел в комнату слуги и нашел своего старого, верного камердинера мертвецки пьяным, лежащим на полу. Князь никого из дворни не стал будить, даже не позвал швейцара, сам разул, раздел старика и уложил в постель.

Назначенный на пост начальника Москвы еще в тысяча восемьсот двадцатом году императором Александром, он совсем не умел говорить по-русски, и просьбы ему подавали на французском. Только со временем губернатор стал довольно сносно изъясняться на родном языке, хоть и с иностранным выговором. Несмотря на это, Москва его сразу приняла и очень любила, понимая, что многим ему обязана. При Голицыне улучшилось водоснабжение, осветились в ночное время улицы, безукоризненно работала пожарная команда, город украсился фонтанами, а главное, губернатор был доступен для всех и всегда был готов прийти на помощь.

...Илья Романович, принявший приглашение Дмитрия Владимировича, в первую очередь изумился скромности обстановки усадьбы в Рождествене. Сам дом показался ему настолько ветхим, что даже боязно было входить внутрь. Правда, полным ходом шло строительство двух флигелей, но они еще не были готовы. Внутренняя отделка дома – самая дешевая, ни золоченья, ни шелковых материй, ни бархата. Вся мебель – березовая, обитая тиком, как у небогатого помещика.

Губернатор перво-наперво извинился, что не может его принять по-семейному, потому что супруга Татьяна Васильевна отбыла вместе с сыновьями на воды, в Швейцарию. Потом провел гостя в довольно просторную гостиную, где висели портреты генералов тысяча восемьсот двенадцатого года. Они составляли особую гордость князя. Белозерский же рассматривал генералов с кислой физиономией, вспоминая при этом роскошь обстановки в Воронове у графа Ростопчина, прекрасные скульптуры, китайские вазы, венецианские зеркала, подлинники Мурильо, Веласкеса, Рембрандта... Но едва он предался сладким воспоминаниям о своем друге и кумире, как тот неожиданно материализовался в виде портрета.

– Вы повесили у себя портрет вашего предшественника? – удивился Илья Романович.

– Граф Ростопчин был настоящим героем и патриотом и занимает достойное место в моей галерее, ибо он сделал для нашей победы над Наполеоном не менее других!

Нельзя было усомниться в искренности слов князя Голицына. Говорил он горячо, глаза у него при этом растроганно блестели. Почтительное упоминание о бывшем московском губернаторе расположило Белозерского к хозяину усадьбы. Правда, ненадолго.

После гостиной Дмитрий Владимирович провел соседа в бильярдную в надежде, что тот составит ему компанию, но Илья Романович, с армейских лет не державший в руках кия, наотрез отказался играть.

Время было послеобеденное, и губернатор предложил откусать на молочной ферме, находившейся в четверти версты от дома. Она представляла собой несколько каменных строений, выдержанных в голландском стиле. На скотном дворе стояли коровы разных пород. Голицын знал по имени каждую и с особым удовольствием представлял их гостю: «Марта у нас тиролочка, своенравная и капризная, а вот Бабетта, выписанная из Нормандии, напротив, по характеру легкая и немного кокетливая. Одним словом, душечка»...

Потом он пригласил Белозерского в молочную при скотном дворе, в большую светлую комнату, отделанную, как показалось Илье Романовичу, более богато, чем дом, но так же про-

сто. Княжеское угощение состояло из свежего молока, простокваши и варенцов. Главная смотрительница фермы, женщина дородная, розовощекая, одетая опять же на голландский манер, подавала угощения в фигурных кувшинчиках и затейливых криночках, желая гостю приятного аппетита.

– Тьфу! Мерзость какая! – вспоминал на другой день за обедом Илья Романович, запиная мозельским вином утиный паштет с грибами. – Чтобы я еще хоть раз сунулся в Рождественно, да ни за какие деньги! Заставил есть простоквашу! Простоквашу, слышите?! Меня едва не стошнило! По сей час чувствую какое-то такое жжение в печени и к горлу подступает...

– Зачем же вы кушали? – резонно заметила экономка. – Отказались бы.

– Неудобно, – развел руками князь, – губернатор все-таки. Приближенный к государю-императору. Тут хочешь не хочешь, а съешь, хотя бы и что-то похуже простокваши... Нельзя отказаться!

– В том-то и дело, – манерно отставив мизинчик, отпивая вино из бокала, замечала Изольда Тихоновна, – человек этот в будущем может вам весьма пригодиться...

Читатель уже догадался, что экономка пользовалась у Белозерского особым доверием. Изольда Тихоновна попала в его дом по рекомендации не кого другого, как Летуновского, который в тысяча восемьсот двадцатом году отказался выступать и далее в роли хранителя капитала Ильи Романовича. Ростовщик посчитал для себя обузой за малую мзду и с большим риском хранить чужие капиталы, в то время как ломбарды гарантированно приносили ему отличный доход. «Новые времена пришли, князь, новые! – учил он своего клиента. – В сундуках-то деньги уже никто не держит, кроме провинциальных старух, да и те, говорят, поумнели нынче... В Английском банке ваши денежки будут куда сохраннее, чем в моих подвалах!» «Побойся бога, Казимир! – ломал в отчаянии руки не на шутку перепуганный Белозерский. – Что мне твой банк, хотя бы и сто раз Английский?! Банк по первому моему требованию деньги мне выдаст, а я... Ты сам известен в этом – за год все промотаю, если некому будет меня организовать!» «Ну, ну, не переживайте так, ваше сиятельство!» – по-отечески хлопал его по плечу Казимир Аристархович. Он уже находился в том привилегированном положении, когда человеку низкого происхождения позволяется покровительствовать аристократу и даже поучать его по-отечески снисходительно. «Я приставлю к вам такую экономку, что самого черта Фуше заткнет за пояс! Уж она-то точно не даст вам разгуляться!» Упоминание наполеоновского министра финансов не произвело на князя никакого впечатления, зато рекомендательные письма от двух богатых купцов, известных на всю Москву, вселили оптимизм. «Что ж, пускай теперь экономка возьмет на себя роль моего личного Цербера, коли вы от меня отреклись!» – страдальчески кривя рот, согласился, в конце концов, Белозерский. Он очень любил выставить себя жертвой обстоятельств.

К Изольде Тихоновне Илья Романович приглядывался долго и недоверчиво. Впрочем, он в каждом смертном подозревал подвох и прозревал злой умысел. Но придаться было не к чему. Экономка оказалась женщиной строгих правил во всем, что касалось ведения хозяйства. Она сразу же взялась изучать домовые книги, находя в них много изъянов и недочетов, допущенных другими домоправительницами. Об этом подробно докладывалось князю за вечерним чаем, затем вносились дельные предложения, направленные на умножение хозяйского блага. Белозерский опасался хвалить новую экономку, держась своего давнего принципа, что слуга, которого хоть раз похвалили, – пропащий человек для службы. «Такой стараться и трепетать уже больше не станет... Хвалят, мол, меня, стало быть, нечего и жилы рвать. Начнет дерзить... Воровать примется непременно, потому что все воры, в каждом человеке вор сидит! А то прирежет еще!» При этой страшной мысли князь хватался за горло, и рвущаяся с его губ похвала часто заменялась ругательствами.

Но на этот раз Белозерский был действительно доволен протеже поляка. К тому же он находил Изольду весьма привлекательной особой. Невысокая, пухленькая, круглолицая,

экономка обладала вполне невыразительным лицом, на котором только и было красивого, что маленький рот, пунцовый, как вишня. Глаза ее были нехороши – небольшие, глубоко сидящие, неопределенного цвета, тяготеющего то к серому, то к голубому, взгляд загадочен. Говорила она нараспев, поучительным тоном, тягучим грудным голосом. Одевалась скромно, никаких украшений не носила. Ее каштановые косы всегда были туго обернуты вокруг головы в виде короны. Когда она поступила в дом князя, ей было двадцать девять лет, тот самый возраст, в котором Наталья Харитоновна отправилась в мир иной. Илья Романович увидал в этом некое знамение, и хотя он не верил в «подобную чушь» и всегда высмеивал «бабье мракобесие», мысль эта все же глубоко засела ему в голову.

Не прошло и года, как Изольда сделалась его любовницей. Это случилось само собой, легко и обыденно, без страстных вздыханий под луной и любовных речей. Дожливым осенним вечером тысяча восемьсот двадцатого года Илья Романович грелся возле камина, а Изольда Тихоновна по обыкновению держала отчет. Говорила она без бумажки, помня наизусть все цифры и нанизывая их одну на другую медленно, монотонно. Илья Романович разомлел в тепле, разнежился от уютного потрескивания дров. К тому же отсветы огня, отражаясь на бледных щеках экономки, очень ее молодили. Наконец, подведя итог и глядя на князя, как всегда, загадочно, экономка все тем же равнодушным голосом неожиданно заявила:

– Да! В целях экономии я велела Архипу не топить сегодня у меня в спальне. – И, выдержав паузу, добавила: – Я привычна к холоду и никогда не простужаюсь.

Илья Романович повел в сторону своим орлиным носом, как делал всегда, если унюхивал в воздухе что-то странное и многообещающее.

– Я восхищен вашими способностями! – Почти невозможный в его устах комплимент, сделанный к тому же наемному лицу, состоящему у него на службе, прозвучал довольно сухо. И тем не менее это было едва ли не признание в любви. – Дрова нынче дороги. Переплачивать я не намерен! Да... Не намерен. Но и подвергать ваше здоровье опасности я тоже не хочу! А посему вам лучше и приятнее всего будет провести сегодняшнюю ночь в моей спальне. Так мы и экономию наведем, и вас, драгоценная Изольда Тихоновна, оградим от инфлюэнции...

Бесцеремонное, но в то же время искреннее предложение князя было высказано со старинной феодальной простотой. Этот аванс надо было расценивать как награду и считать за честь – так, во всяком случае, понимал его смысл сам Илья Романович. Он выжидал, глядя на огонь в камине, слегка приоткрыв рот и скривив его на сторону, что означало, по-видимому, любезную улыбку. Однако экономка не спешила с ответом. Поправив без всякой необходимости манжетку, она стыдливо прикрыла веки, повела полным плечом и в течение нескольких секунд всем видом давала понять, что обескуражена и даже оскорблена столь дерзким посягательством на свою невинность. Илья Романович даже успел пожалеть о том, что сразу пустил коней галопом, потому что женщина строгих правил, каковой, несомненно, являлась Изольда Тихоновна, могла не на шутку обидеться и отказаться от места.

Изольда Тихоновна могла бы и дальше изображать неприступную крепость, но вдруг подняла глаза и взглянула прямо на князя совершенно спокойно, как и прежде. По ее пунцовым губам скользнула улыбка.

– Если вы настаиваете, то я... не вправе отказываться, – вымолвила она шепотом. Отсветы пламени на щеках с успехом заменили ей стыдливый румянец.

...Дворовые люди, узнав немедленно об этой связи, крестились и шептались, не решаясь трактовать выходящее из ряда вон событие. Ведь после смерти Натальи Харитоновны ни одна женщина не смела переступить порога спальни неутешного вдовца! Слуги помоложе лукаво перемигивались, старики неодобрительно качали головами. «Ишь, резвятся, словно ведьмаки!» – резюмировал дряхлый Архип, трижды плюнул через левое плечо и трижды осенил себя крестным знаменем. Все ждали больших перемен, боясь, что князь, чего доброго,

женится на экономке, которую никто не любил за придирчивость, сделает ее барыней... Но та появлялась в людской аккуратно причесанная, скромно одетая, с равнодушным видом женщины, у которой совесть чиста. Изольда Тихоновна раздавала всем уроки на день, кого-то бранила, кому-то читала нравоучение... Жизнь дворни шла прежним порядком.

* * *

Но жизнь князя Белозерского после той памятной ночи существенно изменилась. Главное, смягчился его вздорный характер. С этих пор он совершенно не занимался хозяйством, не следил денно и ночью за слугами, подозревая их в воровстве, и никого больше не наказывал. Вездесущая и властная Изольда Тихоновна освободила его от всех этих забот, отравлявших существование. Формально он оставался господином своих денег, все ценные бумаги хранились в его кабинете, в верхнем ящике секретера. Но единственный ключ носила при себе экономка. Князь впервые за много лет почувствовал себя человеком свободным, раскрепощенным, избавленным от тяжелых обязанностей. Белозерский даже взял за моду ездить в мае месяце на воды в Карлсбад, хотя имел отменное здоровье и прекрасный аппетит. С вод князь обычно возвращался в подмосковное поместье, где его ждал Борис. Молодой офицер неизменно брал отпуск в июне, чтобы повидать отца. Белозерский тщательно скрывал от сына свою связь с экономкой и отсылал на это время Изольду в другие поместья с проверкой. За лето она успевала объездить все его деревни на севере и на юге, взять отчет с управляющих, переговорить с деревенскими старостами, понаблюдать за сельскохозяйственными работами, проследить за сбытом продуктов и даже позаботиться о быте и достатке крестьян. При ней Белозерский достиг процветания, о котором никогда не мечтал.

Изольда Тихоновна была предупреждена Летуновским о слабости Ильи Романовича и всячески пыталась оградить его от карточных игр. Надо сказать, это далось ей нелегко, потому что князь, почувствовав свободу и оценив свое растущее благосостояние, сделал попытку приняться за старое. Однажды, в ноябре двадцать седьмого года, он встретил одного бывшего знакомого по карточным баталиям, и тот зазвал его к себе. Как водится, уже и стол был накрыт, и гости томились в предвкушении десерта, то бишь «банчика», с колодой карт наготове. Однако Белозерский не ударил лицом в грязь, вспомнил прошлое и выиграл две тысячи рублей ассигнациями. Выигрыш он скрыл от экономки, чтобы та не узнала раньше времени о его грехопадении. Зато в другой раз фортуна совершенно отвернулась от него, и он проиграл тридцать восемь тысяч. Скрыть такую сумму от бережливой Изольды, у которой «каждая копейка имела имя», как говаривала сама экономка, было немыслимо.

– Я отыграюсь, драгоценная моя, – робко обнадеживал экономку Илья Романович, – завтра же отыграюсь, вот увидите...

Но та не желала ничего слушать.

– Извольте сесть под домашний арест, – произнесла она ледяным тоном. – И хорошенько подумайте над тем, что случилось. Само собой, я оставляю вас сегодня без ужина. И... – Она помедлила, презрительно шуря свои загадочные глаза, – ночью вы будете спать один. Вот прямо здесь, на диване. Сейчас вам постелят.

С этими словами она вышла из кабинета князя и заперла его на ключ. Илья Романович вспыхнул.

– Да как ты смеешь! – бросился он было с кулаками на дубовую дверь. – Да как ты, ты... Прислуга... Девка... Как ты... смеешь... – вместе со словами, срывавшимися с его дрожащих губ, он постепенно терял и пыл. Правоту Изольды Тихоновны приходилось признать.

Заметим, что Илья Романович при всей своей вздорности и вспыльчивости был обыкновенным подкаблучником. Он и Наталье Харитоновне до поры до времени позволял собой управлять. Но покойная супруга властвовала над ним благодаря своей ангельской красоте

и покладистому характеру, и в том случае, если он вновь срывался и начинал играть, уговаривала его, указывала на детей, плакала. Изольда Тихоновна, напротив, для взятия крепости не гнушалась ничем: применяла тяжелую артиллерию, метала копья, жгла огнем. Хотя разве он сам не говорил Летуновскому, что ему нужен свирепый Цербер для сохранности капитала?

Присмиривший князь безропотно просидел двое суток под домашним арестом, на черном хлебе и воде, а вездесущая экономка тем временем сама съездила и уплатила его карточный долг. При этом она пригрозила старому знакомцу князя: «Если вы еще раз вздумаете втянуть Илью Романовича в подобную авантюру, будете иметь дело с полицией! Все равно, проиграет он у вас в притоне рубль или выиграет тысячу!» Тон, которым она высказывала это обещание, был таков, что могло показаться, будто главный полицмейстер города является ее близким родственником, по меньшей мере кузеном или дядюшкой. Впрочем, отвадить кредитора, заплатив ему сполна кругленькую сумму, было не так уж и трудно. Куда более сложным препятствием представлялась вечная тяга Белозерского к картежной игре. Он мог не сдержать данного слова – больше никогда не играть и в одночасье оказаться на паперти. Тогда и сама Изольда в одночасье теряла теплое место, главное положение в княжеском доме, абсолютную власть над всем штатом прислуги и над самим князем... Последнее ей нравилось даже больше всех прочих выгод. На прежних местах ей не удавалось достичь такого всемогущества, она была просто наемным лицом, на жалованье, и оттого даже не подозревала в себе той властности, которая была заложена в ее натуре с самого рождения и всю проявлялась теперь. Теперь всему этому грозил крах... Любовнице князя пришлось в голову обратиться за советом к своему благодетелю, пану Летуновскому.

– Вы сами виноваты, милейшая! Вы его освободили от всех обязанностей, от надзора за челядью и управляющими поместий, – констатировал рассудительный поляк. – У этого пустопляса появилась уйма свободного времени, и он не знает, на что его потратить, кроме игры. Ведь он раб своей привычки. Попробуйте его чем-либо заинтересовать. Князь натура увлекающаяся – я ведь его давно знаю, – уж если что взбредет ему в голову, не вышибить вовек!

– Чем же мне его занять? – в отчаянии всплеснула руками Изольда Тихоновна. – Он ведь не ребенок, в самом деле, чтобы отвлечь его какой-нибудь погремушкой. И он не глуп...

– А вот увидите, как он схватит новую погремушку, этот ваш разумник, – возразил Летуновский и, поразмыслив немного, приказал: – Как-нибудь на днях затащите князюшку в мой магазин под предлогом сделать вам подарок к именинам...

– Но мои именины не скоро...

– Дорогая, мне не важно, когда ваши именины! Хоть в день Святого Никогда, – усмехнулся Летуновский. – Главное, чтобы он бросил первый взгляд на камешки, которые ему покажут. А уж прочее я возьму на себя... Если он заинтересуется торговлей драгоценностями, ему враз станет не до игры!

Нельзя сказать, что идея Казимира Аристарховича пришлась экономке по душе. Во-первых, она не была любительницей дорогих украшений, считала их ненадежным вложением капитала, потому что ничего не понимала в камнях и опасалась подделок, а их по Москве ходило немало. Во-вторых, в словах ростовщика умная женщина почувствовала явную корысть, стремление купца продать свой товар. Однако, не придумав ничего более, она все же обратилась к князю, который после своего двухдневного поста и заточения наслаждался кофе со сливками и сдобными булочками:

– Дорогой мой, в знак нашего примирения я хочу вам сделать подарок... Это пустяк, конечно, просто футляр для часов. Я сама его вышила бисером...

И футляр (по правде сказать, вышитый очень скверно) был немедленно презентован князю вместе с поцелуем.

– Бросьте, драгоценная моя! – отмахнулся Белозерский, едва взглянув на подарок и протягивая экономке крохотную чашечку за добавкой кофе. – Какое примирение? Я на вас не в

обиде. Вы поступили благоразумно. И уж если кто-то из нас и заслуживает подарка, то это, безусловно, вы...

– А ведь не за горами мои именины, – с поддельной улыбкой воскликнула экономка. – И знаете, о чем я мечтаю?

– Даже не догадываюсь... – бросил Илья Романович, уплетая булочку и бросая жадные взгляды на другую.

– Я мечтаю об изумрудном колечке! – Изольда постаралась произнести это как можно романтичнее, но любой искушенный в женском коварстве мужчина услышал бы в ее голосе фальшь. Белозерский же, одичавший за время своего вдовства, давно не имевший дел с женским полом, проглотил эту наживку вместе с остатками булочки.

– Сегодня, прямо сейчас, едем к Летуновскому, – воодушевленно воскликнул он, – и выберем вам подходящее кольцо! У него лучшие камни в Москве!

Казимир Аристархович не оплошал – выложил на прилавок такие редкостные, изумительные кольца с изумрудами и бриллиантами, с сапфирами и рубинами, что даже у равнодушной к украшениям Изольды Тихоновны загорелись глаза. Она умышленно долго выбирала, а Казимир Аристархович тем временем расписывал достоинства каждого камня, рассказывал о процессе огранки и даже достал из особого сейфа еще не обработанные материалы, чтобы наглядно показать своим покупателям искусство гранильщика и шлифовальщика. В его речи также не были забыты все выгоды, которые приобретает владелец ювелирного магазина в наше время. Послушать его – так это был самый легкий, почетный и приятный способ наживать громадные деньги. «А как щекочет нервы! – признался он. – Куда там игре... Да только тут и проиграть нельзя, продавец всегда остается в барыше!» Изольда, раздумываясь от странного волнения, охватившего ее при виде блестящих камней, примеряла кольцо за кольцом и внимательно слушала...

Нельзя сказать, чтобы Илья Романович проявил в тот момент живой интерес к ювелирному делу и торговле украшениями. Скорее, он скучал, как будто вовсе не оправдывая надежд, возлагаемых ростовщиком на этот визит. Но по странному совпадению через несколько дней после покупки кольца для Изольды ему попалась на глаза заметка в «Сыне Отечества» об удивительном алмазе, найденном недавно на Урале.

– А ведь те необработанные камни, которые нам показывал Казимирка, наверняка тоже были привезены оттуда? – поделился он своей догадкой с экономкой. – Ох и ловкий же плут этот Летуновский! Фамилия под стать – на лету хватается выгоду и кладет себе в карман!

– Что вам-то мешает выгоду на лету хватать? – как бы вскользь заметила экономка. – Средств вроде бы достаточно, чтобы обзавестись собственным магазином... Получать доход, вместо того, чтобы швырять деньги на ветер!

– Я что вам, купец или мещанин какой? – обиделся Илья Романович. – Где это видано, чтобы аристократ торговал камешками?

– Во Франции, например, – тут же парировала Изольда, – дворяне нынче не гнушаются прибыльным делом. О том в «Сыне Отечества» было прописано.

– Тоже мне, нашли, кого в пример привести! Французов! – с презрением воскликнул князь. – Санкюлоты оканные!

На том разговор и закончился, однако зерно было брошено в землю, и вскоре оно дало неожиданные всходы.

– Как вы посмотрите, драгоценная моя, на то, если я прикуплю для нас немного земли? – спросил он как-то за утренним чаем в подмосковном имении, куда они только-только перебрались в начале лета двадцать восьмого года.

– Земля нынче дорога, особенно если с лесом и рекой, – начала рассуждать Изольда Тихоновна, но князь ее перебил:

– Нет, нет, почти без леса и без реки! Да и не земляца вовсе, а каменная гора с соснами и елями на самой вершине.

– Гора? – удивилась экономка. – К чему нам гора?

– А вот к чему, драгоценная моя... – Белозерский достал из кармана халата маленький бархатный мешочек и вытряхнул из него прямо на стол, уставленный закусками, пять крохотных изумрудов размером с ноготок младенца.

– Вы были у Летуновского? – сразу догадалась она. – Купили эти необработанные камни, а мне ничего не сказали?

Лицо ее вдруг сделалось строгим, почти мрачным. Экономку раздосадовало то, что Летуновский и князь сговорились у нее за спиной.

– Да ничего я пока не купил, – защищался Илья Романович, – а всего лишь взял камни на время, чтобы подумать... и посоветоваться с вами, мой ангел, само собой! – поспешно прибавил он, отчего Изольда слегка смягчилась.

* * *

Он встретил поляка совершенно случайно, когда проезжал в экипаже по Большой Никитской, как раз мимо роскошного особняка Казимирки. Тому как раз случилось выходить из ворот, и князь был чуть не силой затащен на обед к ростовщику. Кроме прекрасной Теофилии, за столом еще присутствовал некий уральский купец Жевнов Леонтий Порфирьевич. С виду то был солидный, кряжистый мужик, лет сорока, одетый не в «сибирку», как одевались еще многие купцы в Сибири и на Урале, не желающие ради моды оставить свой удобный и долговечный кафтан, а в сюртук с длинными полами. Он выглядел как чиновник невысокого ранга с той только разницей, что лицо не брил, а носил небольшую, аккуратно подстриженную бороду.

– Вот, поглядите-ка, – обратился к князю Летуновский, небрежно высыпая на стол рядом со своим прибором изумруды. – Какие камешки водятся в Пермском крае – бери, не хочу! Можно в одночасье сделаться миллионщиком...

– Чего же тогда медлите, Казимир Аристархович? – заискивающе проговорил купец. – Купите у меня гору, и жила целиком будет ваша. Авось, еще чего-нибудь отыщете, так оно всегда бывает. Гора, она и есть гора. В ней много добра водится. У нас на Урале, где ни копни – всюду сокровища! Даст Бог, и на золотишко набредете, а на худой конец – яшмы с малахитами попадутся... Все прибыль! Этого самого цветного камня много в столицы требуется... Там у нас он нипочем идет, копейки стоит, а тут к нему и пристupu нет!

– Ох и горазды же вы, купцы, сказки сочинять! – отмахнулся поляк. – Представить себе не можете, Илья Романович, сколько я тут всего наслушался с тех пор, как магазин открыл! Урал – то, Урал – сё! Куда ни копни – везде золото да изумруды! Что же ты, мил человек, гору свою продаешь, – насмешливо обратился он к Жевнову, – если там сокровищ видимо-невидимо? Неужто самому сокровища не нужны?

– Кроме живых денег, не нуждаюсь я сейчас ни в чем. В убыток продам! Поистратился я, пан Казимир, – вздохнул купец, – дельце провернуть хотел, да артельщик один надул, и не выгорело! Сейчас вот на мели сижу, а в долг никто не дает, у всех свои нужды. Что мне эта гора без денег-то? Она мне сейчас лишняя совсем получается. Одна обуза. Мне ее не разработать, сами знаете, какие для этого средства нужны! Не малые...

– Да уж знаю, Леонтий Порфирьевич, – самодовольно подтвердил Летуновский и вновь обратился к князю: – А вы что на это скажете, Илья Романович? Вдруг там и взаправду царские сокровища? А мы тут с вами сидим на своих капиталах да носы воротим.

– Сокровища – это, конечно, заманчиво, – ухмыльнулся князь, – да где же гарантия, что они там есть?

– Вот и я о том же, – ростовщик перевел взгляд на купца, – надо бы мне взглянуть на твою гору, поковыряться в ней с надежным человеком.

– Да ради бога, Казимир Аристархович! – воодушевленно воскликнул тот. – Можем прямо сегодня тронуться в путь... Только бы... – он почесал затылок, – неплохо бы задаток... Знаю, знаю, что товара вы не видали и сумлевайтесь в нем, и по рукам мы еще не били... Да только в деньгах уж очень нужда!

– Путь не близкий, – размышлял Летуновский, совершенно спокойно пропустив слезную просьбу о задатке мимо ушей: – Месяца два потеряю. Знаешь ли, сколько за два месяца я дел в Москве повернуть могу? И на что мне, спрашивается, твоя гора сдалась?

– Ей-богу, не пожалеете, пан Казимир! – взмолился Леонтий Порфирьевич. – Будете меня добрым словом поминать, потому как гора эта принесет вам столько деньжищ, что даже представить невозможно!

– Слышите, князь, какие он песни поет? – подмигнул Белозерскому ростовщик. – А вдруг и впрямь гора у него без подвоха? Не придется ли потом жалеть...

– Мне-то о чем жалеть? – покрутил носом Илья Романович, смакуя старую мадеру и шурясь на потолок, расписанный на французский лад купидонами. – Гору предлагают вам, вы и жалейте...

– Где мне с этим делом связываться, некогда! – Ростовщик отправил в рот кусок рябчика и задумчиво его прожевал. – А купцу без разницы, дорогой мой, кто гору-то купит, вы или я. Верно я говорю, Леонтий Порфирьевич?

– Окромя денег, мне сейчас ничего не надобно, пан Казимир, – поспешно подтвердил купец, – а кто мне их заплатит, вы или приятель ваш, да хоть бы и колодник какой иль прокаженный, мне все едино. Деньгами ни от кого не побрезгуем... Деньги – первый товар, самый дорогой, потому как нет его – хоть помирай! Вам ли не знать... – почтительно добавил он.

– Люблю за прямоту русский народ купеческий! – неожиданно расхохотался Летуновский. – Поставил вас на одну доску с колодником и прокаженным...

– Вы уж не сердчайте на меня, – попросил прощения Жевнов, приложив руку к груди, – это я спроста сказал... У меня что на уме, то на языке, потому и нет мне настоящей удачи. Разве бы я эту гору продавал за бесценок, кабы не нужда?! Да ни в жизнь! Продаю вот, а сам думаю – это я своих ребятишек граблю! Ведь они через эту гору могли бы миллионщиками стать...

– Хватит, хватит Лазаря петь, – отмахнулся поляк. – Ты не милостыню просишь, а и впрямь миллионное дело предлагаешь. Не юли! Дай подумать денек. Завтра приходи!

– Вот спасибо, что обнадежили! – бурно обрадовался Леонтий Порфирьевич. – Вот вам честное купеческое слово: не пожалеете о покупке, господи!

Поднимаясь из-за стола, купец потянулся было за изумрудами, так и лежавшими до сих пор на столе. Однако Летуновский перехватил его руку.

– Нет, камешки ты покамест мне оставь! – произнес он строго, но тут же, смягчив тон, добавил: – Пригодятся еще.

После ухода купца Казимир Аристархович подлил задумавшемуся князю мадеры и рассудительно произнес:

– А что, Илья Романович, не приобрести ли вам, на самом деле, эту гору? Выгода огромная против вашего деревенского ковыряния в земле. Сможете увеличить состояние в два, а то и в три раза. Да и мне выгода – надежный поставщик камней в вашем лице... Нынче мало людей, которым можно доверять, как самому себе, а вам я верю!

– Не знаю, право, – в замешательстве ответил Белозерский, – ведь гора может оказаться пустой?

– Если дадите свое согласие, то я завтра же отправлюсь на Урал с одним надежным человеком, опытным горным мастером. Такой, скажу вам, ушлый – сквозь землю видит! Мы обы-

щем эту гору вдоль и поперек, сделаем выводы. А вы тем временем подумайте хорошенько, взвесьте все, посоветуйтесь с Изольдой Тихоновной, наконец. Она женщина неглупая... У вас в запасе два месяца... – С этими словами он сгреб со стола изумруды, положил их в бархатный мешочек и вручил его князю.

За все время обеда и потом, когда Жевнов ушел, отговорившись срочными делами, а гость и хозяин переместились из столовой в гостиную, Теофилия не проронила ни слова. В гостиной она сразу уселась за ломберный столик и взялась раскладывать пасьянс. Мужчины устроились у камина, и Летуновский вполголоса продолжал описывать князю все выгоды предложенной покупки. Тот, сильно сомневаясь и крутя носом, все же внимательно слушал. Внезапно Теофилия хлопнула в ладоши и с восторгом воскликнула:

– Представляете, князь, я только что погадала на вас. Вам выпала удача, много денег, а также большая и светлая любовь!

– Вы слишком любезны, – снисходительно поклонился Белозерский, который никогда не верил в гадания, а Теофилию, как многие другие, считал дурочкой. – Значит, светлая большая любовь? Что же, посмотрим... Я, пожалуй, куплю гору, – наконец пообещал он поляку, – если в ней действительно отыщется изумрудная жила... Но я должен получить гарантии!

* * *

Выслушав рассказ князя, Изольда Тихоновна несколько минут сидела молча, обдумывая новость. Наконец, устремив на Белозерского неуверенный взгляд, сказала:

– Мне кажется, это слишком рискованное предприятие... От него следует отказаться!

– Но ведь сам Летуновский выступает поручителем, – возразил ей Илья Романович, уже чрезвычайно воодушевленный новой идеей. Летуновский отлично знал натуру своего давнего знакомого – раз увлекшись чем-то, Белозерский уже не мог остановиться.

– А вот это меня еще больше смущает, – неожиданно заявила экономка. – Сколько я его знаю, он никогда не занимался ничем подобным и не разбирался в этом. Горное дело! Подумать только...

– А сколько я его знаю, – князь сделал язвительный упор на «я», – у него и ювелирного магазина раньше не было, и камешками он не особо интересовался, предпочитал ассигнации да серебряные монеты. А как преуспел! Все меняется, драгоценная моя. Вспомните, еще недавно я и слышать не желал ни о каком торговом деле, а нынче вот, поумнел – гору со всеми драгоценными потрохами покупаю... Да! – запальчиво прибавил он, и в его голосе послышались визгливые нотки. Князя выводило из себя кислое лицо сожительницы, не разделившей его восторгов и надежд. – Покупаю, если проверка покажет, что она того стоит!

Экономка была обескуражена и не знала, что отвечать. Ее мысли пришли в совершенное смятение. Ведь она сама в последнее время подталкивала князя к тому, чтобы он занялся делом, а не проматывал состояние за карточным столом... И вот попытки увенчались успехом – князь загорелся проектом, который предложил Летуновский. У нее не было ни одной причины отговаривать Белозерского от сделки, пусть даже рискованной, кроме смутного дурного предчувствия, которое даже конкретных очертаний не имело и никак не облекалось в слова. И для чего бы это Летуновскому, столько лет оберегавшему капиталы князя, вдруг понадобилось предлагать ему провальное предприятие? К тому же Изольда помнила, что попала в этот дом по протекции поляка, а значит, обязана ему своим благополучием и тем высоким положением, которое сумела здесь завоевать. И все же...

– И все же... Вы бы поостереглись так сразу целую гору покупать, – неуверенным голосом произнесла она, – ведь гора может встать вам в целое состояние! Может, возьмете для начала часть?

Князь расхохотался:

– Сразу видно, дорогая, как вы разбираетесь в горном деле! Кто же покупает часть горы?! Ведь жила – дело капризное, она на одном участке больше, на другом меньше, на третьем ее нет совсем... Тут, как в картах, все решает один шаг! Да! – отмахнулся он, видя ее изумленное, печальное лицо. – Что с вами толковать! Гора даст вдесятеро больше, чем я потрачу на нее! А вы, душечка, прикажите лучше взбодрить самоварчик новый. Этот что-то совсем приуныл.

И впрямь, остывающий самовар, стоявший посреди чайного стола, вдруг издал тоскливый, пронзительный писк, как мышонок, удушенный котом. Изольда перекрестилась. Она сочла этот звук дурным предзнаменованием.

С тех пор князь не желал слышать никаких возражений. Илья Романович сделался буквально одержим покупаемой горой, и никакие увещевания экономки на него не действовали. Состояние, которым он обладал на данный момент, перешло к нему по наследству от сестры. И хотя ему удалось довольно ловко избавиться от племянницы, претендовавшей по праву на состояние своих родителей, он все-таки до конца не был удовлетворен, памятуя о том, что в молодости промотал почти все, что завещали ему отец с матерью. В душе князь лелеял заветную мечту: обогатиться за счет собственной предприимчивости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.